https://euroradio.fm/ru/poetustoronu-10-let-za-chetyre-nozhevyh-i-novaya-zhizn-na-x-faktore

поэтусторону#: 10 лет за “четыре ножевых” и новая жизнь на “Х-Факторе”

Виктория Петрович живёт в Воложине, это город в 70 км от Минска. В тёмно-зелёном деревянном доме в центре города (хотя Вика говорит, что в Воложине всё — центр) с ней живёт мать **Любовь Петровна**, сестра и брат.

К нашему приезду Вика переодевается в парадную одежду: белую рубашку, чёрный пиджак, жилетку. На ногах остаются красные тряпичные кроссовки.

— *Нормально? Надо хорошо выглядеть!* — говорит Вика. Я киваю и продолжаю рассматривать портреты в комнате. *— Это моя мама.*

В комнату незаметно заходит мама Вики. Баба Люба говорит прокуренным контральто и указывает на один из портретов:

— *Кучерявые волосы у неё были!* — С чёрно-белого портрета на нас смотрит короткостриженная женщина. И Любовь Петровна, и Вика на неё похожи — каждая по-своему.

Пока мы разговариваем, Вика успевает собраться.

— *Так споёте нам что-нибудь?* — спрашиваю. Женщина кивает и показывает свой микрофон, поёт авторскую песню “Свеча”, а потом ещё несколько чужих песен. У Любови Петровны на глазах проступают слёзы. Потом она скажет, что чувствует вину перед детьми. Особенно перед Викой. Когда ей было 9 лет, Любовь Петровна на её глазах убила двоюродного брата. Женщины говорят, что это была самооборона. Бабу Любу посадили на 6 лет, Вику вместе с братьями и сёстрами определили в интернат.

Одна в четырёх стенах

Музыкой Вика увлеклась из-за матери — та в молодости пела в ресторанах. Первую песню, “Жёлтые тюльпаны”, Вика спела в шесть лет.

— *В плане голоса я пошла точно в мать. Меня мама взяла с собой в ресторан. Как сейчас помню: был какой-то военный праздник и она взяла меня, чтобы я спела и станцевала ламбаду. Какой-то военный подарил мне охапку роз с большими ножками и большую тарелку шоколадных конфет!*

Мы сидим в парке возле местного ресторана “Корона”. Вика договорилась со знакомой, что интервью будет проходить в ресторане. До назначенного времени ещё полчаса.

У девушки на руках несколько “портаков”. Подстёршиеся контуры сердца, слово love, перстень. На кости запястья пять точек: четыре по кругу и одна внутри. Спрашиваю, что это значит.

— *Это я в одиночке. Одна в четырёх стенах,* — объясняет Вика. На другой руке — по точке на четырёх пальцах. Это аббревиатура ЛОРД — легавым отомстят родные дети. На этой же руке в кожу над костяшками пальцев у Вики закачан вазелин: “Это считается холодным оружием!” — говорит она и ударяет по лавочке. Мы заходим в ресторан.

Вика рассказывает, как в интернате, где она оказалась в 9 лет, “пошла по наклонной”. В 10 лет впервые попробовала алкоголь — вино, тогда же закурила. Сбегала из детдома. В бегах была и тогда, когда Любовь Петровна освободилась и приехала забирать детей.

— *Плохо там было. Там били,* — говорит Вика.

В 11 лет её изнасиловали трое знакомых парней.

— *Из нашей общей компании… Я с ними хорошо общалась, они мне помогали. Никогда в жизни я не подумала бы, что эти люди склонны, что они смотрели как-то по-другому на меня. Потому что “А, малая, сестрёнка, дружище”. В основном всегда “сестрёнка”. Они меня изнасиловали. Трое. Мне тогда было 11 лет.*

Естественно, потом суд был. Одного из них закрыли, а двоих родные вытянули. Один из них потом работал конвоиром в жодинской тюрьме. Как сейчас это помню, помню его лицо… Он извинился. Я говорю: “Да ладно, Бог с ним!”

— Вы простили?

— Конечно.

— Почему?

— Потому что я считаю, что нужно уметь прощать людей. А Бог сам всё воздаёт. Жизнь — это бумеранг.

Спрятаться

Впервые Вика попала в тюрьму в 16 лет: вместе с товарищем ограбила дом.

— *Ну что украла, блин? Украла… Короче, мы залезли в хату… Я стояла на шухере. А подельник мой залез в сам дом. И он оттуда вытянул шапки дедовские, кепки, штаны, обувь, старинное… Для чего это? Я сама не знала, что это вообще за фигня была. Не нужно было этого всего делать!*

Ей дали два года условно. Но по правилам нельзя посещать массовые мероприятия, а 16-летней Вике очень хотелось на дискотеку.

— *Когда сделали замену наказания, честно сказать, я думала, что они пошутили, что мамка моя пошутила. Что мама сейчас придёт и меня заберёт* [в то время Любовь Петровна уже освободилась из колонии. — Еврорадио].

Но мама не пришла. Вика оказалась в колонии. Там её приняли хорошо.

— *Они когда услышали, как я играю на гитаре… Ой, всё! Я была душой компании.*

Женщина признаётся, что первый срок ничему её не научил. “*Тюрьма — это не страшно*” — эту фразу она повторяет несколько раз. Во второй раз Вика попала в колонию чуть ли не преднамеренно. Поссорилась с мамой, сбежала из дома, уехала в другой город к подруге. Но понимала, что идти некуда, а на дворе зима. Поэтому Вика украла из общежития подруги одежду, сама позвонила в милицию и призналась в краже.

— *Мне не нужна была эта кража, вы ж поймите! Но я это сделала преднамеренно, потому что у меня не было выхода, мне некуда было просто тупо идти. А так как я побыла на малолетке, я понимала, что могу спрятаться туда, хотя бы на зиму. У меня не было другого выхода. Мама не принимала. Зима — куда я пойду? Ну вот логически!*

Ей вновь дали два года условно. Но через некоторое время замуж собралась сестра, свадьбу Вика

пропустить не могла. Она опоздала на последний автобус и не успела вовремя приехать в комендатуру. Как итог — обратно в колонию.

— *Часто, когда у меня начинается преддепрессивное состояние, я думаю... Я очень часто думаю о монастыре. Потому что мне тяжело в этом мире жить,* — начинает философствовать Вика. — *У меня всю жизнь было такое мироощущение. Если оно заложено внутри... Вот говорят: горбатого исправит только могила. Так вот так и есть — как в плохом смысле, так и в хорошем, понимаете? Я не говорю, что я святая. Мы все не святые, мы все не без греха.*

— А как вас тюрьма изменила?

Вика смеётся.

— *В смысле — тюрьма изменила? Тюрьма никогда не поменяет человека. Человек какой он есть, такой он и есть. Меня [тюрьма] закалила — вот это да. Потому что там я проходила прессинг. Прессовали меня как осуждённые, так и администрация. Но я не скрываю, что очень благодарна, даже не побоюсь произнести... Он сейчас начальник колонии ИК-24. Курлович Дмитрий Николаевич. Я благодарна ему за то, что он был со мной очень строг, даже чересчур. Но вот то, что вы видите, в том числе его заслуга.*

— То есть всё-таки колония вас поменяла?

— *Поменяла не зона. Он* [Дмитрий Курлович. — Еврорадио] *закалил меня... Он видел, что я хороший человек. И я скажу, что сразу не понимала и очень злилась на него. Я его ненавидела да такой степени, что трындец просто! Но я не умею долго злиться. Знаете, как спичка: её зажжёшь, она прогорит немножко и потухнет. Я очень благодарна вам, Дмитрий Николаевич, что, как бы ни было, вы рядом были. Где-то очень строги со мной, но я очень искренне и от всей души вам признательна.*

Вика уверенно говорит, что в колонию больше не попадёт. Она больше не хочет лишиться свободы. И музыка помогает.

— *Скажу честно, я уже шестой год как на свободе, за это время я уже могла бы попасть туда не раз. Но я понимала: а какой смысл, если я попаду? Что изменится? И как я посмотрю в глаза администрации, которая показывала другим осуждённым моё интервью? Какой я подам пример? Нет, ребята, не ждите меня! Не ждите меня, мои хорошие. Я как была на свободе, так и буду. И желаю всем вам одуматься и не попадать туда больше! Всё только в ваших руках!*

Четыре ножевых

В третий раз Вика села в тюрьму за убийство. Она начинает рассказывать, но быстро осекается и говорит, что это слишком больная тема до сих пор. Она вспоминает даже, что сломала мужчине четвёртое и пятое переднеподмышечные рёбра, что ударила ножом четыре раза и именно четвёртый стал смертельным.

— *У меня даже в мыслях не было убивать этого человека, потому что я его в первый раз видела. Он прыгнул, короче, к моей подруге с ножом. Я перехватила этот нож, повалила его на пол, нанесла четыре… Короче, ногами изначально. Била его ногами. И нанесла четыре ножевых.*

И я до сих пор очень раскаиваюсь в этом. Очень. Но, слава богу, меня простили. Простил его сын, простила племянница. Ну, жена его и тогда на меня не злилась. Она даже не хотела, чтобы меня закрывали в тюрьму.

В женских колониях, как и в мужских, есть люди, которые сотрудничают с администрацией. Вика говорит, что никогда так не делала. Иначе оказалась бы на свободе гораздо раньше.

Подруг в неволе она не нашла.

— *Я была сама по себе. Какие могут быть подруги там? Другом человека назвать, надо много… Приятельниц мало было. Из ста процентов только один процент нормальный.*

Дмитрий Николаевич [Курлович] *всегда говорил мне: “Петрович, ты за свою справедливость, со своей честностью весь срок будешь страдать. Ты будешь сидеть до конца срока”. И я хорошо помню свои слова: “Я лучше буду сидеть до конца, но я никогда не поменяюсь. Я какая есть, такая и буду. И выйду такой, как бы меня кто ни ломал.*

— Что вам сейчас помогает держаться на свободе?

Вика заметно оживляется и с ходу отвечает:

— *Музыка, мои поклонники… Как это правильно говорится… Ну, короче, люди! Поддержка людей! Мои планы, мои мечты и то, что они потихоньку осуществляются. Я хочу сказать огромное спасибо всем моим поклонникам и низкий поклон за то, что все они были рядом в трудные периоды. Они даже помогали мне финансово. Благодаря им я выжила. Я очень люблю их! И не представляю свою жизнь без них!*

19 октября на ютуб-канале украинского шоу “Х-фактор” появилось видео с выступлением Вики. Для жюри она исполнила свою песню “Я такая, как и все”.

— *Я мечтала участвовать в “Х-факторе”! Это очень-очень давнишняя моя мечта. Я скажу больше: я когда сидела в колонии, я смотрела. Сяду вот так и смотрю! Аж засматривалась. И я даже плакала, потому что всегда думала: “Как я хочу побывать на “Х-факторе”!” Я просто мечтала. Я говорила об этом, что мне бы туда, что я так мечтаю, так хочу. Никто в меня не верил из осуждённых, многие мне не верили.*

Мы возвращаемся домой к Вике.

Если грабить, то швейцарский банк!

— *Я их держала в ежовых рукавицах. Требовала с них по полной: насколько любила, настолько и требовала,* — баба Люба рассказывает, как воспитывала детей. *— Чтобы они грамотными были, чтобы бедным помогали, защищали тех, кто слабее. Когда-то мы жили в другом месте, в квартире. И всё время их обижали. Ну, знаешь, “цыганята-цыганята”, лупили всё их. И я им говорила: не вступайте в драки. Потом начали мои дети приходить с фингалами. Но это ж дети, я ж не пойду к их родителям на разборки. Я им сказала: “Так, дети. Обижают вас беспричинно? Давайте сдачи!” Начали мои дети давать сдачи — начался у меня конфликт с соседями.*

В разговор врывается Вика. Она протягивает свой телефон и с широкой улыбкой говорит: “*Видишь, как мне поклонники пишут? “Ты умничка и молодец, любим тебя*”.

Любовь Петровна продолжает. Она рассказывает, что её покойный сын Лёня сидел “за батоны”.

— Я *считаю: украл, взял, освободился — ты в шоколаде, не надо тебе садиться. А ты за какую-то мелочь сел, за копейку, здоровье потерял, вышел — и опять с голым... И заново — опять весна, опять грачи, опять тюрьма, опять... Дальше знаете.*

— *Если грабить, то швейцарский банк!* — добавляет сестра Вики Катя. — *А вообще, лучше всего нормально работать, как все.*

— *Я с Викой согласна. Если человек не захочет себя исправить, его зона не исправит, —* подводит черту под разговором Любовь Петровна. *— Посмотри, сколько возвращается — рецидив, рецидив, неоднократники. Возвращаются, потому что им такая жизнь нравится. А почему? Скажу. Общество не приняло. Возможно, на треть зоны было бы меньше, если бы относились к этим людям, которые впервые оступились, дали возможность им исправиться... Там, в зоне, такие вопросы ставят. Там люди действительно работают.*

Я на зоне не стала ни с кем связываться. Я одно вбила в голову: мне нужно выйти и забрать детей. Они пострадали из-за меня, из-за того что я полезла кого-то спасать, и при этом не подумав о последствиях, что будет с моими детьми, понимаешь? Я зареклась, что заберу детей и туда не вернусь.

Чтобы следить за важными новостями, [подпишитесь на канал Еврорадио в Telegram](https://t.me/euroradio).

Мы каждый день публикуем видео о жизни в Беларуси на Youtube- канале. [Подписаться можно тут](https://www.youtube.com/channel/UC1v_dekbxqgQjBQ2fg39uBg?sub_confirmation=1).